

ТЕНЬ ТВОРЧЕСТВА (О НАРОДЕ)

1. *Философ и народ*

Как бы философы ни определяли народную массу - как носительницу "объективного духа" (немецкая классическая мысль) или, напротив, как силу, враждебную "философскому духу", предназначенную судить лишь об "отдельных вещах" (эту точку зрения высказал Платон в учении о государстве), они понимали народ философоцентрически, в его отношении к их собственным занятиям. Народ выступал в качестве той познавательной инстанции, которая позволяла конституировать философию, определение народа служило средством для самоопределения мыслителя: Если в народе "объективный дух" находит свое бытие, то в философе - авторефлексию. Если народ постигает частные предметы, то философ - свойственное им всем (т.е. способен к вынесению общезначительных и общеприятельных суждений).

Философия, таким образом, ставит перед нами понятие народа отсюда, где нет иных дифференциаций, кроме расхождения философа и бытия либо философа и его антипода. Она не попыталась осознать народ в связи с тем, что соотносимо с ним, выделяет его в самой познаваемой духовной реальности.

Содержание философской истины состоит в том, что она онтологизирует отличие субъекта, занятого философией, от его предмета. У философии есть два испытанных способа избежать этой онтологизации, либо признавая свою собственную фальшь, прекращая процесс высказываний о реальности, вырабатывая такие представления, как *dōxa*, *ignōrantia*, *epoché*, *hesichia*, либо указывая - пинически, гностически или как-либо иначе - на ложность самой реальности. Только философ и бывает нигилистом (первого или второго типа - разрушителем текстов или ниспровергателем фактов). Философ всегда готов пожертвовать как философским дискурсом, так и предметом этого дискурса с тем, чтобы спасти и обезопасить позицию философа, т.е. место, находясь в котором, субъект противопоставляет себя воистину всему - даже своему собственному мышлению, даже тому, ради чего мы мыслим. Так и просится на язык: чем менее радикально философствование, тем лучше для обоих универсумов - и для мира идей, и для мира фактов.

Чтобы не поступаться радикализмом, остается пожертвовать позицией философа.

Специфичность реальности возникает отнюдь не ввиду того, что существует субъект, который противостоит всему, но ввиду того, что она сама себя специфицирует, создавая особую зону неспецифического. Реальность творится субъектом, который специфицирует себя (как творца), подавляя креативность других субъектов, заставляя их проявлять субъектность в подражании, обрекая их на неспецифичность. Не наличие философа специфицирует мир, но присутствие личности (иначе: историчности) в мире легитимизирует философию. После конца философии философ открывает себя в историческом человеке, в субъекте истории, распознает антропологичность философии, имманентность философичности человеку, свою неотличаемость от предмета философствования, "ничто" своей позиции, с которой лишь и можно вообразить себе "ничто".

2. Цензура истории

Раз на том или ином этапе истории всяческие продукты культуры выказывают некоторое родство, следовательно, они были произведены психически сходными индивидами. Есть ренессансный психотип и психотип барокко, психотип Просвещения, хотя нам, пожалуй, и не вполне очевидно, что это за характеры. История культуры представляет собой, помимо всего прочего, смену одного доминирующего психотипа новым.

То же соображение можно сформулировать, отвлекаясь от сколь угодно конкретной - всегда спорной - периодизации культуры: коль скоро мы признаем наличие истории, мы обязаны считать, что все многообразие человеческих характеров никогда не воплощает себя в творчестве синхронно (в противном случае у творчества не было бы истории, а история не была бы творчеством).

Каким статусом обладают личности, не принадлежащие на данной фазе культурной эволюции к культурогенерирующему психотипу? Ясно, что они психически бесправны, творчески обездолены, обречены, в лучшем случае, на гипокреативность. Каждый этнос распадается на творческое меньшинство и большинство, состоящее из психически не актуальных здесь и сейчас индивидов, которые могли бы быть продуктивными в какую-то иную эпоху. Это большинство мы и будем называть народом. История формирует народ, вычленив творческий психотип из суммы остальных, репрессируя креативность остальных.

Народ и нация совпадают между собой лишь в утопиях (например, в "Путешествии в Икарию" (Etienne Cabets, "Voyage en Ikarie")) - в тех текстах, которые рисуют бытие достигшим его исторического предела, более не развивающимся. Национализм - одна из разновидностей

утопического моделирования мира. Чтобы утвердить единство этноса, национализм отвергает историю.

Народ - негативная общность, существующая за счет того, что ее представители одинаково не участвуют в поступательном ходе культуры. Основная возможность сублимации, находящаяся в распоряжении народа, - работать по заданному (предками, учителем, главой семьи, начальником, господином) плану, будь то домашний или аграрный, ратный или бюрократический, кустарный или фабричный труд.

3. Фрейд ("Massenpsychologie und Ich-Analyse" (1921)) утверждал, что коллектив складывается постольку, поскольку его члены равно усматривают в лидере всеприемлемый "Ichideal".¹ Что касается народного коллектива, то он являет собой множество таких индивидов, которые переживают недоволенность "я"-идеалов, значимых для каждого из них. Народ испытывает неусыпаемую потребность в лидерах, чью идеичность нельзя перенять, нельзя расценивать как тот идеальный "я"-образ, к которому все обязаны стремиться. Человек из народа обнаруживает себя там, где его "я" оказывается решительно не равным "я" лидера, где массе противостоит личность, положение которой вполне уникально, как, например, положение наследственной знати в обществе с закрытыми социальными классами или императора в многонациональном государстве, почитающего свою власть воспринятой от Бога, или партийного вождя в условиях тоталитарного режима, или обладателя неповторимых голосовых и иных сценических дарований. Лидер необходим народу, потому что народ не в состоянии лидировать. Лидер необходим, дабы человек из народа мог адекватно идентифицировать себя как лицо, не принадлежащее к лидирующей группе, - растворенное в массе, уступающее "я"-идеал, абсолютность "я", другому.

Неспроста выходцам из народа, претендующим на то, чтобы возглавить массовые движения, часто приходится скрывать свое происхождение, узурпировать чужую уникальную позицию (подобно русским самозванцам от Лжедмитрия I до Пугачева и основателя скопческой секты Кондратия Селиванова, объявившего себя сразу и Петром III, и Христом).

Социальное неравенство вторично в сравнении с разницей между творческим авангардом и психически угнетенной им нетворческой массой, оно не имело бы места, если бы народ не нуждался в нем.

А.М. Пятигорский пишет о том, что русская культура не адаптировала фрейдизм по той причине, что в ней "ситуация давит на тип".² Но не является ли это определение русских характеристик любого народа, всегда действующего сообразно ситуации в силу того, что народ противостоит психотипичности, креативности, оправданной тем, что

она манифестирует "я" как тип? И не является ли факт неприятия фрейдизма в России следствием того, что сталинское утопическое государство попыталось положить конец истории, вменив народу, неисторической части нации, черты "творца истории"?

Народная мудрость, запечатленная в паремиях, предлагает, как показал Г.Л. Пермяков³, для всякой проблемы два взаимоисключающих решения, приспособлявая тем самым каждого, кто ею владеет, к ситуации, в какую бы он ни попал.

Впрочем, заговорив о народной мудрости, мы перешли к новому вопросу.

Не все деятели вершущей культуры предрасположены к творчеству. Из попутчиков культурной эволюции складывается ближайшая референтная группа, к которой апеллирует творец, среда активных потребителей и распространителей творческого продукта, тот слой (учителей, инженеров, партийных аппаратчиков и т. п.), откуда народ получает планы, формирующие его поведение, - слой, удушающий самым непосредственным образом проявления индивидуальных начал в народной массе.

И в зеркальном порядке: Не все из тех, кто входит в число угнетенных психотипов, готовы добровольно уступить право на креативность творческой элите. В каких границах вершится народное творчество?

3. Между подражанием и разрушением

Бытие народа в линейном времени не самостоятельно, зависит от того, что он усваивает из инноваций, происходящих в подвижном секторе культуры. Воля народа - перемещаться в пространстве: кочевать, переселяться, завоевывать чужие земли, бежать на окраины государства, распространять свою религию.

В той мере, в какой народ вбирает в себя лиц, которые были бы творчески полноценными в какую-то минувшую эпоху, он ориентируется на прошлое - бытовое, речевое, техническое, вероисповедальное, художественное, возобновляя его, имитируя культуру, переставшую быть современной. Глубоко содержательно замечание Платона о том, что народ отдает эстетическое предпочтение имитации. Она лежит в основе фольклора, чья суть - в запоминании и устном воспроизведении текста, в неподверженности словесного искусства забыванию, отчуждению от носителя эстетического сознания (без чего не создаются тексты, действительно, новые), в сведении роли, которой располагает владелец слова, к исполнительской, в ограничении авторской оригинальности варьированием известного. Если в фольклорном творчестве и возникает новое

содержание, то все же при этом удерживается унаследованная из прошлого форма (частушка).

Подражательность народной культуры делает ее двойником автономной, самоцельной креативности, который тем полнее заявляет свое право на бытие, чем ниже потенциал творческого авангарда нации. Именно народ компенсирует национальное поражение. Когда митрополит едет в Орду за ярлыком на митрополичий престол, когда в церквях служат молебны за здоровье татарского хана, когда местный князь душит восстание против чужестранных сборщиков дани, тогда дело народа - запустить в ход механизм резервной культуры и дублировать то, с чем отождествляет себя нация: летопись - в исторических песнях, литургию - во внецерковных духовных стихах, самого Христа - в облике Николы, "русского Бога".⁴

Если народ почему-либо неудовлетворен самим содержанием национальной религиозности, то он выражает себя в сектантстве и ересях - в имитации христианства по дохристианскому образцу. Скопцы, ортодоксально веровавшие во Второе пришествие, кастрировали себя, аргументируя это тем, что у Адама и Евы не было пола; хлысты, ожидавшие нисхождения Святого Духа, вторили ветхозаветному Давиду, плясавшему перед ковчегом; стригольники вели себя как монахи, но тем не менее исповедовались земле; "жидовствующим" хотелось бы остаться внутри христианской церкви при условии, что все ценности Нового Завета будут замещены ценностями Ветхого.

Народный анекдот выставляет на смех персонажей, которые пытаются неудачно подражать утвержденной норме поведения. Анекдот - подлинно свободное творчество народа, не допускающего имитаций, которые не достигают цели. Популярности анекдота благоприятствуют те обстоятельства, когда от творческой верхушки нации тербуются всего-навсего воссоздание образцов (необходимое по той причине, чтобы сохранить этническую идентичность небольшой группы в социуме, где господствует другая нация, или чтобы соблюсти чистоту доктрины, проповедуемой в строго идеологическом государстве). Народ обретает свободу творчества постольку, поскольку в ней испытывает нехватку передовая часть нации, и к тому же лишь свободу смеяться над тем, что обесмысливает подражательность.

В народе присутствуют не только преодоленные историей психотипы, но и те характеры, у которых было бы будущее, не будь современности. Народ амбивалентен - сразу и консервативен, и революционен. Всегда несовременный, народ готов уничтожить любую современность. В революции народ выполняет вдвойне деструктивную работу: в своем желании очутиться по ту сторону настоящего, обогнать историю, он

разрушает данный порядок; в своей тоске по ушедшему в прошлое, он бунтует против самой революции.

Революцию порождает равнодействие двух сил - деструктивной психической энергии тех, кто вовсе чужд современности, - тех, кто безнадежно запаздывает, или тех, чей исторический черед далеко впереди, и аффирмативной энергии того психотипа, которому приспело время сменить дотоле преобладавший в культуре творческий психотип. Революционный взрыв случается из смешения самозванства и призванности.

Созидательное начало революции заключено в том, чтобы парализовать разрушительную мощь народа, отняв у общественного устройства то, что народ хотел бы уничтожить, - продолжаемость современности. Умиротворение восставшего народа осуществляется с помощью многообразных мер, которые сводятся к одному: сделать явной временность того механизма управления, который возникает в процессе революции. Переизбираемость парламента; переходность кабинета министров, который согласен уступить власть другому, более представительному; наказуемость революционных трибунов; обновляемость партийного аппарата, допустим, по ходу чисток в Сталинском государстве; отменяемость революционных завоеваний, например, военного коммунизма, вынужденного очистить место НЭПу, - вот каков отклик на народный бунт. Теории революции тем вероятнее воплотимы в практику, чем детальнее они сосредотачиваются на переходном периоде (ср. хотя бы марксову "диктатуру пролетариата").

Первобытное общество отличается от всех последующих тем, что оно заставляет быть неплотдотворными те и только те характеры, которые явятся инициаторами культурных изменений в будущем. Этим, среди прочего, обуславливается ритуалистичность первобытного социума: его креативность возникает из страха относительно будущего, она отсрочивает будущее, абсолютизирует воспроизводимость (прежде всего, в культе рода и земли).

Вор и бандит - психические реликты первобытности в историческом времени. Лишая свои жертвы имущества и жизни, преступник отбирает у них право на идентичность в будущем подобно тому, как ритуал отнимает будущность у общества.⁵ У зла есть генезис.

4. Двойная социальность

Есть две фундаментальные формы социальности:

Существование некреативной (resp. гипокреативной) массы открывает путь для такой дифференциации социальных ролей, которая едва ли требует от их исполнителей инициативы, склонности к новаторству и

принятию нестандартных решений, одним словом, личных дарований (таковы роли рабочего и крестьянина, солдата и чиновника).

Неустрашимость из национального бытия культуропорождающих личностей ставит перед обществом задачу сделать их персональные творческие интересы ролевыми, институционализированными - создать университеты, где могла бы разворачиваться научная деятельность, сосредоточить писателей и живописцев при дворе правителя или в монастыре, легитимировать финансирование технических изобретений и т. п.

В первом случае психически бесправный индивид получает компенсаторную возможность подставить достаточную социальную идентичность на место недостаточной персональной. Во втором - социализовать гипертрофированную персональную идентичность. Социальные институты первого вида поддерживают социостаз, обеспечивая снабжение общества всем материально необходимым, защиту отечества, регулирование социальных действий и конфликтов. Институты второго вида придают общественной жизни динамичность, гарантируя дальнейшее развитие научного мышления, смену художественной моды, промышленный прогресс и многое другое.

Разумеется, между этими двумя полюсами социальности расположено немало переходных форм. Но не о них речь.

Замещение личного социальным заставляет субъекта быть готовым к подчинению. Что есть власть, если не господство социального над психическим? Народ подвластен.

Общественное принятие личных устремлений субъекта внушает ему мысль о свободе воли, о социальной осуществимости волеизъявления.

Переживая личные интересы как общественные, творческая элита с неизбежностью проецирует свой способ социального мышления на народ, представляя себе народ свободолюбивым, желающим волеизъявления и, в конечном счете, правомочным быть "творцом истории". Именно поэтому в культуре возникает культ народа, выражающийся в самых разных обличьях - в пердъявляемом искусству требовании быть "народным", в хождении в народ, в мечтах о народоправстве, в идее "народа-богоносца". Но отсюда же берут начало тот страх и та обреченность, которые творческая личность переживает из-за того, что мыслит свою позицию уступаемой, не только своей. Вспомним: предостережение Блока, видевшего в любви к народу гибель творца ("Народ и интеллигенция"); шестидесятилетнего розановского старика, жаждавшего содрать кожу с царя ("Апокалипсис нашего времени"); беспощадность русского крестьянина, как ее изобразил Максим Горький ("О русском крестьянстве"); "темную массу" Г. Федотова, которая неблагоприятно истребила пошедшую к ней в услужение интеллигенцию.

Примечания

- ¹ "Eine (...) primäre Masse ist eine Anzahl von Individuen, die ein und dasselbe Objekt an die Stelle ihres Ichideals gesetzt und sich infolgedessen in ihrem Ich miteinander identifiziert haben" (Sigmund Freud, *Massenpsychologie und Ich-Analyse, Die Zukunft einer Illusion*, Frankfurt a. M. 1967, 55).
- ² Александр Пятигорский, О психоанализе из современной России. (Буддистические заметки). - *Russia*, Torino 1977, No. 3, 38.
- ³ Г. Л. Пермяков, *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*, Москва 1979, 21ff.
- ⁴ О культе Николы на Руси см. подробно: Б.А. Успенский, *Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Москва 1982, passim.
- ⁵ Ср. речевую близость воровского сознания к мифологическому, которая раскрыта в: Д. С. Лихачев, *Черты первобытного примитивизма воровской речи. - Язык и мышление*, Москва/Ленинград 1935, III-IV, 54ff.